

изучение хозяйственных навыков и традиций населения. Вместе с тем он согласился с высказанными О. А. Сухаревой упреками в недостаточном внимании авторов к изучению истории кишлака в советский период. Что касается слабого показа механизации сельскохозяйственных работ, то таков был ее уровень в момент обследования колхоза, с тех пор она значительно возросла.

Выступившие в прениях участники совещания, отмечая положительные стороны обеих книг (в частности, очень удачную главу о домашней жизни в таджикской монографии), подвергли критике имеющиеся в них недочеты, а также некоторые положения основного докладчика. П. И. Кушнер (Ин-т этнографии) высказал мнение, что О. А. Сухарева ставит этнографический материал в чрезмерное подчинение историческому; в частности не следовало в этнографической монографии уделять столько места истории социальных отношений, как это сделали авторы книги об узбекском колхозе. Считая главу о хозяйстве колхоза в таджикской монографии в целом удачной, хорошо показывающей связь производства с бытом и значение хозяйственных традиций, П. И. Кушнер указал на имеющийся в ней чрезмерный технический уклон. Г. Н. Валиханов (Каз.ССР) высказался за необходимость более глубокого изучения роли религиозных пережитков в быту колхозников. А. К. Писарчик (АН Тадж.ССР) говорила о необходимости реальнее отображать действительность, показывая борьбу нового с еще бытующими пережитками старого, и внесла ряд предложений по расширению обсуждаемой тематики (изучение быта колхозников, переселенных на новые земли, где наблюдается процесс взаимопроникновения культур разных народов; проведение районных обследований, дающих возможность более глубоких выводов и обобщений, чем изучение одного колхоза). Б. Х. Кармышева (АН Тадж.ССР), присоединившаяся к общей положительной оценке монографии о таджикском колхозе, высказала мнение, что в исторической ее части недостаточно освещен вопрос об этническом составе населения кишлака, а в главе о хозяйстве, при всей ее ценности, особенно для истории земледелия, отсутствует показ живых людей. В заключение Б. Х. Кармышева отметила слабую этнографическую изученность Узбекистана, что очень затрудняет изучение этнических процессов — в частности проблемы консолидации узбекской социалистической нации и ее культуры. В. Ю. Крупянская (Ин-т этнографии) остановилась на недостатках таджикской монографии с точки зрения теоретической разработки вопросов о прогрессивных и отрицательных традициях, о влиянии общесоветской культуры, о тенденциях развития таджикской колхозной семьи и о роли в этом традиций прошлого.

Подводя итоги обсуждения, С. П. Толстов отметил признание всеми выступавшими ценности обсуждаемых работ, несмотря на имеющиеся в последних недочеты, обусловленные новизной и сложностью тематики. Указав на неправомерность отведения этнографии лишь служебной роли по отношению к исторической науке, тенденция к чему проявилась у докладчика, С. П. Толстов отметил, что неправ и П. И. Кушнер, считая изучение социальных явлений не входящим в задачи этнографии и ограничивая их изучением быта. Нельзя согласиться и с проявившейся в некоторых выступлениях тенденцией отказать от описания занятий населения и передать этот раздел экономистам, так как ни быт, ни людей нельзя изучать, не зная их производственной жизни. Согласившись с необходимостью изучения пережитков и реликтов прошлого как в хозяйстве, так и в быту, С. П. Толстов предупредил, что при этом не нужно чрезмерно увлекаться этой темой и заслонять описанием пережитков то новое передовое, что является ведущим в жизни советских народов.

Совещание завершилось принятием развернутой резолюции, отражающей результаты его работы и содержащей ряд рекомендаций по проведению мероприятий, связанных с дальнейшей разработкой обсуждавшихся на совещании вопросов.

*Т. А. Жданко, М. А. Итина*

## СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЭПОСА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Совещание, организованное по решению Президиума Академии наук СССР Институтом мировой литературы им. Горького АН СССР и Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, происходило в Киеве 23—28 июня 1955 г. В совещании приняли участие научные сотрудники ряда институтов АН СССР и АН УССР — фольклористы, этнографы, языковеды, историки, литературоведы, философы и искусствоведы, фольклористы союзных республик, преподаватели университетов, педагогических институтов и музыкальных училищ РСФСР и Украины, писатели и т. п.

Совещание открыл вице-президент Академии наук УССР Н. П. Семененко. Охарактеризовав кратко значение народного исторического эпоса, он выразил уверенность, что открывающееся совещание будет иметь большое значение для дальнейшего изучения не только восточнославянского эпоса, но и эпоса всех народов СССР и стран народной демократии.

С развернутым вступительным словом выступил академик-секретарь Отделения языка и литературы АН СССР В. В. Виноградов. Он указал на большое историческое, художественное и воспитательное значение народного эпоса и охарактеризовал основные задачи его изучения. Исследования по эпосу должны показать его развитие в связи с историческими условиями жизни народа, раскрыть отношение трудящихся масс к исторической действительности, их представления и идеалы в разные эпохи, особенно важно при этом изучить специфику и закономерности развития жанров народной исторической поэзии, определить своеобразие художественных форм каждой эпохи. Серьезное внимание должно быть уделено и языку народнопоэтических произведений.

В. В. Виноградов подчеркнул необходимость сравнительно-исторического изучения эпоса всех славянских народов. Такое изучение раскроет историческую общность славян, даст возможность выявить как общие закономерности развития эпоса, так и его национальное своеобразие у каждого народа.

С докладом «Итоги работ и задачи изучения русских былин и исторических песен» выступил В. И. Чичеров (Ин-т мировой литературы АН СССР). Он охарактеризовал проделанную работу по собиранию и изучению русского исторического эпоса, отметив ее достижения и недостатки. Русская наука еще до Октябрьской революции достигла значительных успехов в изучении былин и исторических песен. Недореволюционные ученые не смогли правильно раскрыть развитие и идейный смысл исторического эпоса и допускали в его истолковании крупнейшие ошибки. Советские ученые, овладевшие марксистским методом, смогли преодолеть ошибочные концепции буржуазной науки и дали за последние годы ряд ценных исследований былин и исторических песен (работы А. М. Астаховой, Д. С. Лихачева, М. О. Скрипицы, В. П. Ариановой-Перетц, Б. Н. Путилова, В. И. Малышева, А. Н. Лозановой, В. К. Соколовой, Э. С. Литвин, Р. С. Липец и др.). Исследования советских ученых с совершенно очевидностью показали, что былины и исторические песни в своей основной массе глубоко народные, они выражают патриотизм, высокие моральные и этические идеалы трудящихся масс, раскрывают русский национальный характер. В докладе была убедительно показана историческая обусловленность жанров народной поэзии и установлено, что былины и исторические песни, возникшие в разных исторических условиях, различаются как характером отображения исторических фактов, так и системой образности. Отличительным признаком былин является обобщенный характер изображения исторических фактов; для обрисовки исторических лиц в них еще используются средства поэтической образности, генетически восходящие к родовому обществу, развитие действия характеризуется своеобразной замедленностью, преувеличением описываемого, условным обозначением длительности и многократности совершавшихся событий. Возникнув в X—XII вв., былины в дальнейшем совершенствуются и обобщаются, отражая борьбу русского народа за свободу и национальную независимость. Из областных сказаний, какими они нередко были первоначально, они превращаются в общерусские сказания.

Изменения в общественной и экономической жизни Руси после уничтожения татарского ига обуславливают изменения в идеологии и культуре, в частности в народном поэтическом творчестве. Создается новый жанр — историческая песня, для которой характерно изображение конкретных исторических событий и лиц (что, конечно, не исключает типизации, но приемы ее в исторических песнях иные, чем в былинах). Используя первоначально некоторые приемы былевого эпоса, историческая песня уже с XVIII в. формируется на основе народной лирической поэзии и разрабатывает характерную для нее образность. Наряду с историческими песнями сохраняются былины, но их новые сюжеты с XVI в. черпаются уже не из текущей исторической действительности, а из повестей и сказок.

Успеху исследовательской работы в области русской исторической поэзии во многом способствовала собирательская работа, широко развернувшаяся с конца 1920-х гг. и публикация новых материалов (А. М. Астахова — «Былины севера», т. I—II, Л., 1939—1947; «Онежские былины», под ред. В. И. Чичерова, М., 1948; Г. Н. Петрилов и А. Д. Соимонов — «Былины Пудожского края», Петрозаводск, 1941; публикации записей А. М. Листопадова и Б. Н. Путилова и другие). Собранные материалы и сделанные в экспедициях наблюдения позволили наряду с другими проблемами поставить важный теоретический вопрос о судьбах героического и исторического эпоса русского народа в XIX и XX вв., об областных стилях эпического творчества и индивидуальном своеобразии мастерства отдельных сказителей.

Но перед исследователями русской народной исторической поэзии еще стоят большие задачи. Важнейшее значение имеет сейчас выяснение истории былин и исторических песен и их жанрового своеобразия. Выполнение этой задачи невозможно без глубокого тщательного изучения художественной формы и языка былин и исторических песен. Необходимо отметить, что изучению художественных особенностей народной поэзии фольклористы до сих пор уделяют очень мало внимания, язык жанров народных произведений изучается лишь лингвистами (работы В. В. Виноградова, А. П. Евгеньевой). Важной задачей является также сравнительно-историческое исследование русских былин и исторических песен и эпоса других славянских народов. Оно поможет со всей глубиной раскрыть национальное и историческое своеобразие творчества каждого народа и в то же время покажет общность исторического эпоса всех славянских народов.

Перед исследователями русской исторической поэзии стоят и другие существенные

ные проблемы: связи были и исторических песен с литературой, использование традиций народной исторической поэзии в современности, значение были и исторических песен как ценнейшего историко-культурного и художественного наследия.

Итогом работ и задачам изучения украинских дум и исторических песен был посвящен доклад действительного члена АН УССР М. Ф. Рыльского. Докладчик подробно остановился на характеристике дум и исторических песен, являющихся важнейшей частью украинского народного творчества. Думы и исторические песни свидетельствуют о беззаветной любви украинского народа к родине, о готовности его отдать все силы борьбе с иноземными захватчиками и угнетателями, об его извечном стремлении к объединению с братским русским народом. Генетически связанные с творчеством древнерусской народности, украинские думы и исторические песни имеют черты, роднящие их с древнерусским русским былевым эпосом. Несомненно и их яркое национальное своеобразие.

Большинство дум связано с конкретными историческими лицами или определенными историческими периодами. Можно установить «циклы» старых дум — о турецкой неволе, о борьбе с турками и татарами, о борьбе с шляхетской Польшей, о хмельничине. Особую группу составляют думы бытовые и морально-поучительные, близкие к историческим по характеру и форме.

Дума имеет свои характерные формальные особенности. Это стихотворные произведения, исполняемые речитативом под аккомпанемент кобзы или бандуры. Ф. Колесса установил деление дум «на периоды или тирады, т. е. такие группы стихов, из которых каждая заключает в себе законченный образ или замкнутую мысль». Старые думы имеют и ряд других формально-стилистических особенностей: архаизмы, единоначатия и др. Многие из этих черт свойственны и эпосу других народов, но своеобразие общего стиля украинских дум не подлежит сомнению.

Особым жанром украинского фольклора является историческая песня, говорящая, как и думы, об исторических событиях и лицах, но отличающаяся от дум художественными особенностями.

Украинские думы и исторические песни отличаются большим реализмом (чему не противоречит свойственная вообще эпосу гиперболизация), присущи им и элементы юмора и сатиры.

М. Ф. Рыльский подробно остановился на истории собирания и изучения дум и исторических песен в XIX—XX вв., показав в ней борьбу прогрессивного демократического направления с реакционным и либеральным.

Перейдя к характеристике современной народной исторической поэзии, М. Ф. Рыльский отметил, что это качественно новое творчество. Механическое использование художественных приемов старых дум, которое подчас наблюдается у авторов советских дум, не дает положительных результатов. Широкое культивирование формы дум в строгом смысле этого слова в дальнейшем едва ли возможно, что отнюдь не свидетельствует о невозможности развития советского народного творчества, в частности эпического. Создаются новые формы исторической народной поэзии, в которых творчески используются и традиции дум.

Украинские фольклористы ведут исследования дум и исторических песен, основываясь на марксистско-ленинской методологии, неуклонно борясь против всяких отступлений от нее, особенно ярко проявившихся в первые годы революции. Советские издания текстов дум и исторических песен отличаются критическим подходом к материалу, точностью публикации и паспортизации. Но сделано в этой области еще далеко не все. Следует более полно и систематически публиковать думы и песни, как и другие произведения украинского народного творчества. От украинских фольклористов следует ждать монографических исследований, посвященных отдельным жанрам народной поэзии. Дальнейшее изучение украинского народного эпического творчества должно строиться в плане сравнительного изучения эпоса славянских народов, что, разумеется, не снимает положения о самобытности украинской народной культуры.

К. П. Кабашинов (Ин-т истории АН БССР) сделал сообщение о традициях героического эпоса в белорусском народном творчестве. Белорусский народ, сказал докладчик, сохранил героические традиции эпического творчества древнерусской народности и создал на основе их свои исторические песни. Многие дореволюционные исследователи (Н. Лобода, Е. Ф. Карский, Н. А. Янчук) утверждали, что у белорусов эпоса нет, что старые былины они забыли, а своего ничего не создали. Имеющиеся материалы и исследования советских ученых опровергают это утверждение. Имеются документальные данные, показывающие, что в Белоруссии былины были широко распространены. Убедительно свидетельствует об этом известное письмо оршанского старосты Кмита Чернобыльского 1574 г., в котором упоминаются Илья Муромец и Соловей Будимирович. В русских былинах имеются детали, отражающие историю белорусского народа. Так, В. Ф. Миллер показал, что Себег в былинах появился в связи с борьбой на западных границах Московского государства; об этой же борьбе говорит былина «Королевици из Крякова», возможно, «Братья Ливики». В XIX в. былины в Белоруссии перестали петься, но они не исчезли, а стали рассказываться, как сказки (примером могут служить сказки об Илье Муромце, записанные Е. Р. Романовым и В. Н. Добровольским). Ведущие идеи героического эпоса сохраняются и развиваются в антиреалистических сказках, один из героев которых — асилок — многим напоминает богатырей.

У белорусов сохраняются и исторические песни о событиях XVI в. и более поздних. П. В. Шейном записан отзвук песни о Кострюке. Пелись песни о татарском полове о борьбе с польской шляхтой, о Бондаривне. Много рассказов и преданий сохранилось о борьбе со шведами, об Отечественной войне 1812 г.

В заключение К. П. Кабачников подчеркнул, что героический и исторический эпос белорусов еще не изучен и тема «Традиции героического эпоса восточных славян и белорусском народном творчестве» должна стать предметом специального исследования.

С докладом «Творцы и исполнители украинских дум и исторических песен» выступил Ф. И. Лавров (Ин-т искусствознания, фольклора и этнографии АН УССР). Докладчик отметил большую роль народных певцов — сказителей, кобзарей, лирников и т. д. — в общественно-политической и культурной жизни народа. Выдающиеся народные певцы воспевали многовековую борьбу народов России против национального и социального гнета, призывали трудовой народ к борьбе за свободу и счастье. Украинские кобзари всегда были в первых рядах защитников родины. Своими песнями они призывали народ к героической борьбе с иноземными грабителями и поработителями — турками, татарами и польской шляхтой. За это господствующие классы и поработители народа жестоко преследовали кобзарей. Сохранилось известие о казни польской шляхтой в 1770 г. трех кобзарей за участие в гайдамацком восстании 1768 г. В XIX—XX вв. кобзари принимали активное участие в общественно-политической жизни и революционной борьбе народа. Ф. И. Лавров привел многочисленные факты преследования кобзарей царским правительством. Так, карательные отряды жестоко расправились с кобзарем М. Кравченко, участником крестьянских революционных восстаний 1905 г., сложившим думу о восстании в Сорочинцах. Преследовались также прогрессивные ученые и писатели — за запись дум.

Затем докладчик перешел к характеристике творчества кобзарей и лирников. Украинских кобзарей и лирников, говорит он, можно разделить на две группы. К первой относятся народные певцы, создающие на основе существующей традиции новые думы и песни, которые затем бытуют в народе. Таковы талантливые кобзари Остап Думесай, Михайло Кравченко и др. Ко второй группе относятся певцы-импровизаторы. Они не создают новых произведений, а, запомнив сюжеты дум, по-своему передают их каждый раз варьируя их текст. К этой группе принадлежат кобзари Терентий Пархоменко, Игнатий Гончаренко и др.

В заключительной части своего доклада Ф. И. Лавров охарактеризовал деятельность выдающихся кобзарей советского времени — Федора Кушнерика, Егора Мовчан, Ивана Иванченко, Павло Носача, Петра Дугина и др. С первых же дней Советской власти народные певцы посвятили свою деятельность задачам строительства социализма в нашей стране. В дни Великой Отечественной войны народные певцы делом и поэтическим словом участвовали в борьбе с врагами — в партизанских отрядах, на фронтах, на оккупированной территории. И сейчас они являются активными участниками строительства коммунизма. Украинские кобзари сложили и складывают немало дум и песен о делах и людях героической советской эпохи. Среди их произведений есть и слабые, неудачные, но есть и истинно прекрасные, заслуживающие названия народных. Долг советских фольклористов глубоко изучать творчество народных певцов, помочь им повысить идейный и художественный уровень их произведений, преодолеть архаику, несоответствие формы и содержания. Необходимо всячески содействовать развитию творческих дарований кобзарей, памятуя о той большой роли, которую героический эпос играет в коммунистическом воспитании народов нашей Родины.

Доклад Ф. И. Лаврова сопровождался выступлением кобзарей и лирников. После доклада А. Н. Лозанова (Ин-т русской литературы АН СССР) продемонстрировали пластинки с напевами русских былин из альбома, подготовленного Институтом в качестве пособия для преподавателей фольклора.

Н. И. Кравцов (Ин-т славяноведения АН СССР) выступил с докладом «Историко-сравнительное изучение эпоса славянских народов». Докладчик с самого начала оговорился, что под сравнительно-историческим изучением эпоса он понимает не сравнительно-исторический метод буржуазного литературоведения, справедливо отвергнутый советской наукой, а совокупность методических приемов сопоставления произведений устного поэтического творчества различных народов с целью определения путей его исторического развития, выяснения общего и своеобразного в нем. Такое сопоставление необходимо, так как нельзя решительно все в народном поэтическом творчестве объяснять национальной самобытностью; недопустимо забывать об этническом и языковом родстве народов, об их культурных связях, дружбе и общении, которые находили отражение и в народном поэтическом творчестве, в частности в эпосе.

Сравнительно-историческое изучение народного поэтического творчества имеет свои цели и границы. Оно применимо прежде всего при изучении творчества родственных народов или народов, между которыми существовали длительные исторические связи. Оно может применяться и при изучении творчества далеких друг от друга народов, когда выясняются общие закономерности развития фольклора или отдельных его жанров. Сравнительно-историческое изучение помогает определить в творчестве каждого народа общее и присущее только данному народу и тем самым выявить национальное своеобразие. Оно дает возможность выявить причины сходства отдельных сюжетов, образов и поэтических форм в фольклоре разных народов.

Очень много дает сравнительно-историческое изучение эпоса родственных славянских народов.

ских народов. Оно позволяет установить общие закономерности зарождения и развития эпоса, соотношения и изменения исторических жанров народного творчества, дает возможность показать близость эпоса всех славянских народов, его отличительные особенности в сравнении с эпосами других народов, а также выяснить национальное своеобразие эпоса каждого славянского народа. Сравнительно-историческое изучение помогает понять своеобразие связей народного творчества и письменной литературы у разных народов и в разные исторические периоды. Наконец, такое изучение раскрывает взаимосвязи эпосов разных народов, показывает степень и значение влияний и заимствований в народном поэтическом творчестве. Последнее очень важно, так как далеко не все общее в славянском эпосе можно объяснить родством славянских народов, многое здесь является позднейшим заимствованием, обусловленным культурным родством и историческими связями. При сопоставлении творчества отдельных народов необходимо учитывать, что сходство в народном поэтическом творчестве может явиться и результатом общих исторических условий.

Сходство славянских эпосов, говорит Н. И. Кравцов, значительно и многообразно. Прежде всего необходимо отметить близость идейного содержания эпических песен, а также сходство отдельных образов, сюжетов, поэтических приемов, стиха, манеры исполнения. В славянском эпосе наблюдаются и общие закономерности развития. У славянских народов существуют два типа эпических песен: один, более древний, представлен русскими былинами и юнацкими песнями южных славян, другой — русскими историческими песнями, украинскими думами и историческими песнями, хайдуцкими и историческими песнями южных славян. Каждый из этих видов имеет свои темы, своих героев и поэтику. Единство путей развития славянского эпоса подтверждается и сходными приемами циклизации.

В заключение Н. И. Кравцов подчеркнул, что затронутые в докладе проблемы еще ждут своего обстоятельного изучения, и высказал уверенность, что совещание положило начало этой важной работе.

По заслушанным докладам развернулись оживленные прения, в которых приняли участие 55 человек. Многие из выступавших развивали на конкретном материале положения, высказанные в докладах, дополняли доклады, выдвигали проблемы, не затронутые или недостаточно освещенные докладчиками. С большим интересом было выслушано выступление Б. А. Рыбакова (АН СССР), рассматривающего былины в связи с историческими и археологическими данными. Эти данные, по мнению Б. А. Рыбакова, показывают, что формирование былин следует относить не к X—XII вв., как полагает большинство исследователей, а к значительно более раннему времени — к VI—VIII вв. К. Г. Гуслистый (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР) охарактеризовал исторические условия возникновения украинских дум и исторических песен. А. П. Евгеньева указала на важность изучения языка народной поэзии. Это изучение должно быть подчинено основной задаче — раскрытию характерных особенностей различных жанров народной поэзии. Оно поможет ярче раскрыть национальное своеобразие устнопоэтических произведений, выяснит происхождение и историю эпоса. Перед фольклористами стоит неотложная задача — исследовать поэтику фольклора различных народов СССР, без этого дальше работать нельзя. И. А. Оссоветский (Ин-т языкознания АН СССР) отметил недостатки существующих работ по языку народной поэзии, в которых изучение народнопоэтического языка подменяется, по существу, изучением диалекта, и указал, что изучение языка надо вести по отдельным жанрам, так как каждый жанр имеет свои особенности.

Острые споры вызвало высказанное в докладе В. И. Чичерова положение об исторической обусловленности былин и исторических песен и их соотношении. Большинство выступавших по этому вопросу признало положение доклада правильным и выдвигало в качестве основной задачи изучение истории жанров русской исторической поэзии. В. Г. Базанов (Ин-т русской литературы АН СССР), Н. Н. Велецкая (Ин-т мировой литературы), Л. Н. Пушкарёв (Ин-т истории АН СССР), Э. В. Померанцева (МГУ), К. В. Чистов (Карело-финский филиал АН СССР) показали в своих выступлениях, что жизнь былин на всем протяжении их развития убедительно свидетельствует об их исторической обусловленности и что попытки некоторых сказителей использовать традиционную форму для изображения нашей советской действительности закономерно терпели неудачу. С критикой попыток создания советских былин выступил Н. П. Леонтьев (СССР). О современном творчестве и о роли вариантов произведений фольклора говорил Р. М. Волков (Черновицы). Об исторической песне как особом, отличном от былин жанре русской исторической поэзии и их развитии говорили Э. С. Литвин (Ленинградский библиотечный ин-т) и В. К. Соколова (Ин-т этнографии АН СССР). М. М. Плисецкий (Ужгородский гос. ун-т) и Г. А. Самарин (Кировоградский педагогический ин-т) отметили, что положение, высказанное В. И. Чичеровым по отношению к русским былинам и историческим песням, можно распространить и на традиционный украинский эпос. Украинский народ знает и любит думы, но в живом исполнении они уже не встречаются. К. А. Сихарулидзе (АН Груз.ССР) справедливо указала, что при изучении народной исторической поэзии необходимо привлекать и прозаические жанры. П. Д. Павлий (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР) говорил о существенных стилевых изменениях дум, происходящих в современности.

Все говорившие об исторической обусловленности жанров подчеркивали, что развитие и изменение жанров, смена одних жанров другими происходит в любом искусстве и свидетельствует о непрекращающемся творческом процессе, откликающемся на

все изменения исторической действительности. Однако некоторые выступавшие утверждали, что признание этого положения ведет якобы к отрицанию советской народной исторической поэзии и даже советского народного творчества в целом, что оно выражает неверие в творческие способности советского народа. С особой резкостью эта точка зрения прозвучала в выступлениях П. Н. Попова (АН УССР), А. А. Морозова (Лен. отд. ССП), А. М. Кинько и Г. С. Сухобрус (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР). При этом положения, высказанные В. И. Чичеровым применительно к русским былинам и старым историческим песням, неправомерно распространялись на эпос всех народов СССР, пути развития которого должны изучаться особо у каждого народа.

Многие из выступавших указывали на необходимость сравнительно-исторического изучения эпоса как славянских народов, так и всех народов СССР. П. Г. Богатырев (Воронежский гос. ун-т) и И. М. Шептунов (Ин-т славяноведения АН СССР) остановились на задачах сравнительного изучения славянского эпоса. Выступавшие на совещании ученые союзных и автономных республик отмечали, что в эпосе разных народов СССР есть много черт, свидетельствующих о давних культурных связях с русскими. О влиянии русских былин и исторических песен. Раскрывая историко-культурные связи народов, такое изучение поможет выявить и общие закономерности развития эпоса. М. Я. Чиковани (АН Груз.ССР) привел грузинские легенды о строительстве Сурамской крепости и других крепостей и монастырей, чрезвычайно близкие к сербской песне о постройке Скандра. Эти легенды имеют также много общего с русской легендой о постройке Нижегородского Кремля, с албанскими и венгерскими легендами, и изучаться они должны сравнительно. Л. К. Раудсепп (АН Эстонской ССР) привел примеры, показывающие связи эстонского эпоса с русским. Эти связи сложны и разнообразны. В эстонском народном творчестве есть произведения, связанные с Киевом и Новгородом, есть сказки об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. Предания рассказывают об эстонцах, бежавших на Украину от тяжелого гнета захватчиков и тепло принятых украинцами. Название Таллина в русских былинах и исторических песнях Коляванью, повидимому, связано с именем эстонского народного героя — Калева. Все эти связи эстонского эпоса с эпосом восточных славян должны стать предметом изучения. В. Я. Евсеев (Карело-финский филиал АН СССР) рассказал, что на карельском языке русские былины бытуют и как сказки, и как песни, герой Карельской сказки получил имя Тухка Муромец, в карело-финских рунах поется об Иване Грозном и Петре I, причем оценка им дается такая же, как в русских исторических песнях и преданиях. Воздействие русских былин сказывается также в поэтическом стиле и языке карело-финских рун. Б. П. Киришко (Молдавский филиал АН СССР) говорил о многих образных связях молдавского эпоса с эпосом восточных и южных славян. Среди героев молдавских гайдуцких баллад и исторических песен имеются Карналюк (украинский Кармелюк), Марк, Новак и Грус (у сербов и болгар Марко Краљевић Новак и его сын Груница). В балладе «Бадиул» говорится о совместной борьбе против турецкого ига молдаван, сербов, болгар и украинцев. У молдаван есть песни о Богдан Хмельницком, о взятии Плевны и др. А. И. Москаев (Мордовская АССР) посвятил свое выступление отражению в мордовском эпосе связей с русскими. Мордовский народ поет о Разине и Пугачеве, об Иване Грозном. Так, песня «Саманька» повествует, как Ивану Грозному помогла взять Казань мордовская девушка. У мордвы есть сказки об Илье Муромце и Илье Святогоре, есть общие с русскими песни (например, «Колосок и сокол»). Близость мордовского и русского творчества, подчеркнул А. И. Москаев, не всегда объясняется влиянием — выработке общих черт способствовали многовековые экономические и культурные связи.

На совещании поднимались и другие вопросы, связанные с изучением эпоса восточных славян. А. К. Югов (ССП) остановился на изучении языка и стиля былин и повестей древней Руси. А. Н. Робинсон (Ин-т мировой литературы) говорил об общих приемах творчества былин и древнерусских воинских повестей. В. С. Бобкова и В. Г. Хаменко (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии) посвятили свои выступления взаимоотношения украинского языка и литературы. М. С. Родина (Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии) говорила о современной жизни украинского эпоса. А. К. Мореева (Всесоюзный дом народного творчества) — о значении самостоятельности для развития современного исторического эпоса. А. Н. Нечаев (Ин-т мировой литературы) охарактеризовал требования, которым должны удовлетворять популярные издания эпических произведений, и дал критический обзор выпущенных книг. В. М. Сидельников (Ин-т мировой литературы) остановился на принципах и различных типах переводов эпоса народов СССР на русский язык. Г. М. Литвак говорил о малочисленности и недостатках переводов украинского эпоса на русский язык. Ю. Н. Сидоров (Московский библиотечный ин-т) охарактеризовала взгляды революционных демократов на эпос и его исторические судьбы. С. И. Минц (Гос. литературный музей) сообщила о неопубликованных материалах русского героического эпоса и исторических песен, хранящихся в архиве Литературного музея в Москве.

Ряд выступлений был посвящен музыкальной стороне и исполнению эпоса восточных славян. Тов. Гордейчук (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии) подчеркнул неразрывную связь текста и музыки в народных произведениях и отметил, что существующая разобщенность фольклористов-словесников и фольклористов-музыковедов отрицательно сказывается на изучении эпоса. Л. В. Кулаковский (Союз композиторов) указал на недопустимое отставание русской музыкальной фольклористики — мало зап

сей и изданий, не разработана методика исследования, нет кадров. Нет центра музыкальной фольклористики — для музыковедческой секции Союза композиторов, которая сейчас таким центром является, это — побочное дело. Необходимо издать учебник музыкальной стилистики и мелодики для народных поэтов и певцов, широко развернуть экспедиционную работу, изучать современное музыкальное творчество народа, помогать певцам. Об исполнении дум говорила Г. Л. Кашеева (Музыкальное училище им. Гнесиных). Поднимался на совещании вопрос о преподавании фольклора в университетах, педагогических институтах и консерваториях.

Участники совещания имели возможность ознакомиться с творчеством украинских кобзарей и певцов. На совещании неоднократно выступали лучшие кобзари — Е. Мовчан, В. Перепелюк и другие, а также ансамбль кобзарей общества слепых, руководимый Палатаем. В заключение для участников совещания был дан большой концерт, в котором приняли участие мастера народного искусства и ансамбль украинской народной песни и танца под руководством Гр. Веревки.

Совещание приняло резолюцию, в которой указало, что при дальнейшем исследовании эпоса особое внимание необходимо уделить изучению художественной специфики и жанров в их исторической обусловленности и сравнительному изучению эпоса народов СССР и стран народной демократии. Совещание подчеркнуло, что такое изучение должно вестись комплексно представителями смежных дисциплин: фольклористами, историками, этнографами, языковедами, литературоведами, музыковедами. Результатом всех этих исследований должна стать история эпоса восточнославянских и других народов.

Совещание указало на необходимость издания сводов русского, украинского и белорусского фольклора и организации переводов эпоса народов СССР на русский язык и русского эпоса на языки народов СССР.

Признавая, что статьи Н. П. Леонтьева в «Новом мире» дезориентировали широкую общественность и вызвали сильное сокращение собирательской и издательской деятельности в области народного творчества, а дискуссии о современном фольклоре в «Новом мире» и «Советской этнографии» не были доведены до конца и потому не дали положительных результатов, совещание признало необходимым опубликовать на страницах прессы статьи, посвященные основным проблемам дооктябрьского и советского фольклора.

Совещание приняло решения: просить Отделение языка и литературы АН СССР ходатайствовать об организации в системе Академии наук Института народного творчества, об издании фольклористического журнала и информационных бюллетеней; ходатайствовать перед Президиумом АН СССР о созыве в 1956/57 г. всесоюзного совещания по вопросам изучения фольклора славянских народов с приглашением ученых из стран народной демократии; просить Институт мировой литературы провести в ближайшее время совещание по вопросам советского народного творчества, а Институт русской литературы — совещание о принципах публикации фольклорных текстов (с участием представителей издательства); просить Министерство высшего образования включить в курс славянской литературы раздел о славянском фольклоре, а на филологических факультетах ввести специальный курс славянского фольклора, отменить решение о снятии курса музыкального фольклора в консерваториях и музыкальных училищах; просить министерства просвещения союзных республик восстановить преподавание народной поэзии в старших классах средних школ.

В резолюции совещания указывается также на необходимость помощи самодеятельным коллективам, укрепления домов народного творчества квалифицированными фольклористами, издания пособий по собиранию и систематизации произведений народного творчества и т. д. Постановлено также возбудить ходатайство о государственном обеспечении народных певцов и восстановлении этнографического ансамбля кобзарей.

*В. Соколова*

## ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1954 г.

Экспедиция по изучению материальной культуры русского (сельского) населения Среднего Поволжья была предпринята автором летом 1954 г. Были посещены населенные пункты, расположенные как по берегу Волги, так и в степных районах на расстоянии 60—80 км от берега. Маршрут экспедиции проходил по северным районам Саратовской области через населенные пункты: Балаково, Натальино, Матвеевка, г. Пугачев, Успенка, Преображенка, Б. Таволжанка, Ивантеевка, Бартаевка и по южным районам Куйбышевской области через селения: Хворостянка, Елань, Студенцы, Безенчуг, Владимировка.

За время экспедиции были собраны данные по хозяйству, жилищу, одежде и пище русского населения. В настоящем сообщении приведены некоторые материалы, характеризующие жилище и селения.

Все населенные пункты на обследованной территории расположены либо на второй надпойменной террасе Волги, либо на обычных ровных степных пространствах, чаще